

Каретникова В.А.

Ambitus: нелегитимные методы борьбы за магистратуры в римской Республике

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1107>]

[Публикация работы:]

Каретникова В.А. 2007: Ambitus: нелегитимные методы борьбы за магистратуры в римской Республике // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 20, 114-124.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

В. А. КАРЕТНИКОВА*

**AMBITUS: НЕЛЕГИТИМНЫЕ
МЕТОДЫ БОРЬБЫ
ЗА МАГИСТРАТУРЫ
В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

Избирательная система римской Республики в целом, а также составлявшие ее элементы и процедуры, в частности соискание должностей, являются актуальным объектом научных исследований, поскольку имеют непосредственный выход на проблему демократизма римского политического устройства, которая в последнее время широко дискутируется¹. Данная статья посвящена нелегитимным методам борьбы за магистратуры в римской Республике, которые многие исследователи объединяют под понятием *ambitus*. Поскольку эпоха Республики является довольно обширной, представляется целесообразным рассмотреть по отдельности периоды ранней Республики и поздней Республики. Такой подход во многом обусловлен тем, что к началу II в. до н. э. изменились условия соискания должностей, что связано, во-первых, с завершением борьбы патрициев и плебеев в 287 г. до н. э. и получением последними доступа к ряду магистратур, а во-вторых, с проведением реформы цензуриатных комиций в середине III в. до н. э., которая выразилась в слиянии цензового и территориального делений римского гражданства и, по мнению ряда романистов, сделала эти собрания более демократическими². Это не могло не отразиться на электоральных процессах, тем более что смена правящей элиты к этому времени уже завершилась³. Для каждого из рассматриваемых периодов мы попытаемся реконструировать традиционное поведение кандидатов перед выборами. Особое внимание здесь нужно обратить на законы и постановления, которые его регламентировали. Главным же объектом нашего анализа будут различные нарушения электорального процесса: причины их появления, методы борьбы с ними и эффективность последних. Длительное время в этой сфере господствовало обычное право. Первые законы, носившие, правда, исключительно запретительный характер (так называемые законы *de ambitu*), появляются, по мнению одних исследователей, в 432 и 358 гг. до н. э.⁴, другие же относят начало законодательной деятельности в этой области ко II в. до н. э.⁵; в следующем столетии их становится больше, и к ним добавляются постановления сената. Формулировки их были, по-видимому, довольно расплывчатыми, поскольку человек, привлечен-

* Каретникова В. А. – аспирант исторического факультета Ярославского государственного университета.

¹ См.: Смышляев А. Л., Одегова Е. А. Проблема «римской демократии» в современной зарубежной историографии // Академический клуб. Исторические науки. Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 64–78.

² Покровский И. А. История римского права. Мн., 2002. С. 82; Ковалев С. И. История Рима. Л. 1986. С. 206–207; Yacobsen A. Elections and electioneering in Rome. Stuttgart, 1999. P. 57.

³ Ковалев С. И. Указ. соч. С. 101.

⁴ Long G. Ambitus // William Smith. D. C. L., LL. D.: A Dictionary of Greek and Roman Antiquities, John Murray, London, 1875, p. 76–78 // <http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/secondary/SMIRGA/Ambitus.html>; Любкер Ф. Амбитус // Реальный словарь классических древностей // www.sno.pro1.ru/lib/lubker/a/ambitus.htm.

⁵ Linderski J. Buying the Vote: Electoral Corruption in the Late Republic // Roman Questions. Selected Papers. Stuttgart, 1995. P. 110; Gruen E. S. The Exercise of Power in the Roman Republic // City States in Classical Antiquity and Medieval Italy. Athens and Rome. Florence and Venice. Stuttgart, 1991. P. 256.

ный к суду на основании одного из них, вполне мог доказать, что действовал в рамках *in hoc maiorem*. Этим, в частности, даже в I в. до н. э. успешно пользовался Цицерон, о чем мы подробнее скажем ниже. Все методы, которые не были названы в законах и постановлениях *de ambitu*, считались допустимыми (легитимными).

Ambitus – одно из самых интересных явлений в истории республиканского Рима. У исследователей нет единого мнения по вопросу о том, что следует понимать под этим термином. Дж. Лонг и Ф. Любкер определяли *ambitus* как все формы соискания должностей: и допустимые, и противозаконные⁶. По мнению же Дж. Линдерски и Э. Груена, под этим словом следует понимать все злоупотребления на выборах⁷. Эту же трактовку данного понятия можно встретить в трудах А. И. Немировского и Э. Груена⁸. Нам ближе последняя точка зрения. Первоначальный смысл *ambitus* – «хождение вокруг, окольный путь, обход»⁹. Продолжая перечень значений, И. Х. Дворецкий пишет, что *ambitus* – это «хлопоты (преимущественно с противозаконными средствами, с помощью подкупа); хвастовство, тщеславие, показной блеск»¹⁰. В источниках, повествующих о политической жизни позднереспубликанского периода, *ambitus* используется для обозначения исключительно незаконного домогательства, обычно подкупа избирателей, и лица, обвиненные в этом, подлежали суду. Такая трактовка, появившаяся, вероятнее всего, могла быть перенесена античными авторами этого и более позднего периода в рассказ об истории раннереспубликанского Рима. На наш взгляд, следует согласиться с утверждением Дж. Линдерски, чтобы иметь возможность четко отделять законные способы борьбы за должности от незаконных. Для обозначения самого соискания можно применять другой термин, *petitio*, хотя особенной необходимости в этом нет. *Ambitus* же целесообразно переводить как «домогательство»: это слово и в русском языке имеет негативный оттенок.

В источниках нет достоверных свидетельств об активном соискании представителей знати в V–III вв. до н. э. Плутарх пишет, что уже тогда у римлян было принято останавливать граждан, приветствовать их и просить содействия, выходя на форум в одной тоге, чтобы были видны рубцы и шрамы соискателя, полученные им на войне, и что именно так поступал Марций Кориолан (*Plut. Marc. XV*). Вполне возможно, этот автор просто переносит в древность реалии более позднего времени, тем более что этот патриций был известен как непримиримый противник плебса. Что касается рубцов и шрамов, то, по свидетельству Дионисия, Кориолан их действительно демонстрировал, но во время суда над собой и лишь затем, чтобы заставить народ вспомнить о своих военных подвигах (*Dionys. VII. 62. 3*). Претенденты-патриции не пытались привлечь на свою сторону даже верхушку плебса: во-первых, авторитет *patres* и без того был велик, а, во-вторых, их интересы, скорее всего, в целом совпадали¹¹ (хотя А. Якобсон подвергает этот тезис сомнению¹²). Возможно, о домогательствах патрициев нам просто ничего не сообщают источники (эта информация ко времени написания используемых нами трудов могла быть утрачена). Очевидно, что на консульскую должность могли претендовать только самые достойные люди, и в первую очередь они должны были обладать выдающимися военными способностями¹³. У нас нет сведений о борьбе представителей двух десятков

⁶ Long G. Op. cit.; Любкер Ф. Указ. соч.

⁷ Linderski J. Op. cit. P. 108; Gruen E. S. Op. cit. P. 255.

⁸ Немировский А. И. Веллей Патеркул и его исторический труд // ВДИ. 1983. № 4. С. 209–226; Gruen E. Op. cit. P. 251.

⁹ Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. 10-е изд. М., 2006. С. 52.

¹⁰ Там же.

¹¹ Маяк И. Л. Римляне ранней Республики. М., 1993. С. 16; Токмаков В. Н. Военная организация Рима ранней Республики (VI–IV вв. до н. э.). М., 1998. С. 176; см. также: Немировский А. И. К вопросу о времени и значении центуриатной реформы Сервия Туллия // ВДИ. 1959. № 2. С. 163.

¹² Jacobson A. *Petitio et largitio: Popular Participation in the Centuriate Assembly of the Late Republic* // Journal of Roman Studies 82 (1992). P. 32. Речь идет о функционировании центуриатных комиций вообще, а не в позднереспубликанскую эпоху в частности.

¹³ Марций Кориолан: *Liv. II. 33. 5–9; Dionys. VII. 21. 2; Plut. Marc. XIV*; Марк Валерий Корв: *Liv. VII. 26. 2, 12; VII. 27. 5; 28. 10; VIII. 16. 4, 5; Квинт Фабий Максим: Liv. X. 13. 8–10; 14. 1; 22. 1.*

родов; сосредоточивших в своих руках управление государством, за магистратуры и влияние. По всей вероятности, важную роль в выдвижении кандидатур играл сенат¹⁴. Патриций также могли выдвигать свои кандидатуры самостоятельно (*Dionys.* VI. 49. 1; VIII. 87. 1; 90. 1), но у нас также нет сведений о разногласиях, которые бы из-за этого возникли. Народ либо не хотел (состоятельная верхушка), либо не мог (бедняки) этому помешать. Поэтому кандидаты из числа знати не проводили предвыборных кампаний с целью сбора голосов. Борьба плебеев за доступные им должности отличалась чрезвычайным оживлением. Каждому претенденту необходимо было привлечь будущих избирателей своим красноречием, обходительностью, обещаниями и, что самое главное, готовностью к бескомпромиссному противостоянию с сенатом¹⁵. Все это разрешалось традицией, а потому никогда не вызывало нареканий.

Зададимся вопросами: на основании чего любой претендент на должность мог быть обвинен в незаконных действиях, и действительно ли подобные обвинения имели место? Для ответа на них необходимо обратиться к законам и постановлениям того времени, регламентирующим процедуру соискания. Их было несколько, и обстоятельства появления каждого весьма любопытны. Необходимо выяснить, всегда ли они соблюдались, а если нет, то почему, и каким образом это каралось.

В 460 г. до н. э. было принято сенатское постановление, объявившее продление срока полномочий консулов, равно как и переизбрание трибунов, опасным для государства (*Liv.* III. 21. 2). Вероятно, это было связано с тем, что плебейские трибуны в тот год исполняли должность второй раз подряд (*Liv.* III. 19. 4–5; *Dionys.* X. 9. 2). Очевидно, круг соискателей, готовых последовательно бороться с патрициями, был весьма ограничен. В этом можно убедиться, если обратить внимание на многочисленность случаев нарушения нового правила. В этом же году прежние трибуны были избраны на третий срок (*Liv.* III. 21. 3; *Dionys.* X. 19. 3), а затем на четвертый (*Liv.* III. 24. 9; *Dionys.* X. 22. 1) – вопреки противодействию консулов, и на пятый (*Liv.* III. 29. 8; *Dionys.* X. 26. 4). Их действия остались безнаказанными. Вместо того, чтобы призвать их к ответу, патриции идут на очередной компромисс, разрешив в 457 г. до н. э. избирать десятерых трибунов, правда, по двое от каждого имущественного разряда (*Liv.* III. 30. 5, 7). Конечно, новый запрет избирать в трибуны одних и тех же (*Liv.* III. 30. 6) был сразу же нарушен (*Liv.* III. 31. 1; *Dionys.* X. 33. 1). В 449 г. до н. э. плебеи попытались снова проигнорировать этот закон, предложив также продлить полномочия любезных им консулов, Валерия и Горация (*Liv.* III. 64. 1). Этому воспрепятствовал трибун, проводивший выборы (*Liv.* III. 64. 4–11). Впоследствии же данный запрет все равно не соблюдался; так, известно, что Лициний и Секстий были плебейскими трибунами 10 лет подряд¹⁶. Конечно, в случае с трибунами, не обладавшими империем, речь не шла об узурпации власти, поэтому сенаторы предпочитали закрывать на это глаза, возможно, опасаясь новых волнений в народе. Патриции соблюдали закон 460 г. до н. э. гораздо более тщательно. В отличие от трибунов, любого из них, отважившегося на такой шаг самостоятельно, можно было бы с полным правом обвинить в стремлении к царской власти, в заговоре против государства, поэтому можно говорить лишь об исключениях. Самый известный пример – самовольное продление собственных консульских полномочий Аппием Клавдием (*Dionys.* X. 58. 3), но судьба его достойна сожаления (*Liv.* III. 58. 6; *Dionys.* XI. 46. 3). Другой случай, правда довольно сомнительный, имел место в 434 г. до н. э.¹⁷ Так или иначе, само упоминание

¹⁴ Азаревич Д. Патриции и плебеи в Риме. СПб., 1875. Т. 1. С. 95; *Yacobson A.* Op. cit. P. 58; *Токмаков В. Н.* Роль центуриатных комиций в развитии военной организации Рима ранней Республики // ВДИ. 2002. № 2. С. 151.

¹⁵ Гай Сициний Беллут: *Dionys.* VII. 33. 1; Публилий Волерон: *Dionys.* IX. 41. 1; *Dionys.* IX. 42. 2; *Liv.* II. 56. 2; Петелий: *Liv.* IV. 12. 3; Ицилий: *Liv.* IV. 54. 4.

¹⁶ *Liv.* VI. 35. 4. 10; 36. 7; 39. 6; 42. 2; *Dionys.* XIV. 12. 22.

¹⁷ Ливий пишет, что, по сведениям Лициния Макра, тогда были избраны консулы предыдущего года, Гай Юлий (в третий раз) и Луций Вергиний (во второй), а Валерий Анциат и Туберон называют другие имена (*Liv.* IV. 23. 1–2).

о такой возможности весьма любопытно, тем более что гораздо позднее, в 214 г. до н. э., ввиду чрезвычайной военной опасности, был переизбран консул 215 г. Квинт Фабий Максим (*Liv. XXIV 9. 3*). Несколько чаще должность два года подряд занимали консулярные трибуны¹⁸, но это вполне объяснимо, ведь предпочтительно проведение военной кампании одним полководцем, а не по очереди несколькими.

Что нам известно об иных ограничениях для кандидатов? Ливий пишет, что в 342 г. до н. э. плебисцитом было запрещено исполнять две должности в один год и одну с промежуток менее 10 лет (*Liv. VII. 42. 2*). Первое правило действительно действовало – вплоть до 185 г. до н. э. (*Liv. XXXIX. 39. 1–12*) никто не предпринимал таких попыток, да и тогда речь шла скорее не о совмещении должностей, а о претензиях на более высокую. Второе же могло нарушаться – даже консул следующего, 341 г. до н. э., Гай Плавтий, впервые отправлял эту магистратуру в 347 г.¹⁹ И, конечно, этот закон не остановил самих плебеев, когда они решили отдать должность Квинту Фабию Максиму (*Liv. X. 13. 8*). Вполне возможно, инициатор данного плебисцита только предложил ввести подобный запрет, но если нет, то пренебрежение им может говорить в первую очередь о том, насколько невысоким был авторитет таких постановлений в глазах патрициев. Возраст соискателей тогда еще не регламентировался. Теперь обратимся к двум, пожалуй, наиболее любопытным законам, которые некоторые исследователи рассматривают как законы о домогательстве (*ambitus*), – это законы 432 и 358 гг. до н. э.

Первый из них, как сообщает нам Ливий, запрещал соискателям оторачивать свою одежду белым, выказывая этим домогательство (*Liv. IV 25. 10*). Э. Груен ставит достоверность этого отрывка под сомнение²⁰ Итальянский же исследователь Фачиони считает, что поскольку этот закон был проведен плебейскими трибунами, то он направлен против патрициев, поскольку по белым полоскам их могли заметить люди, которые от них зависели²¹ На наш взгляд, такая трактовка не вполне правомерна. Представителей знати было мало, и народ мог знать их в лицо, тем более что многие из них выдвигали свои кандидатуры не в первый раз. Практически все свободное время они проводили на форуме. Другое дело – плебеи, их было слишком много, чтобы сразу заметить, кто именно добивается должности. Что же касается авторов предложения, плебейских трибунов, то нам известно, что в спорах между патрициями и плебеями они порой держали сторону сената²² Обращает на себя внимание и тот факт, что он был принят всего лишь через 12 лет после учреждения новой магистратуры – военных трибунов с консульской властью. Вполне возможно, посредством этого закона именно аристократы хотели понизить шансы плебеев получить известность в народе, тем самым затрудняя им получение должностей, а не наоборот. Правда, у нас нет данных о наказаниях за его нарушение, поэтому трудно сказать, соблюдался ли он (*Liv. IV 25. 13; VII. 15. 12*). Также нам неизвестно, на протяжении какого времени он оставался в силе, поскольку впоследствии набеленная мелом тога была традиционной одеждой кандидатов.

Другой закон, 358 г. до н. э., был принят с целью обуздать домогательства «новых людей», которые проводили агитацию на рынках и площадях (*Liv. VII. 15. 12–13*). Дж. Линдерски и Э. Груен ставят под сомнение его существование²³, но полагают, что если он был принят, то его можно расценить как попытку старой элиты ограничить возможности тех, кто стоял вне правящих кругов, предотвратив переход симпатий и поддержки своей клиентелы на сторону *homines novi*²⁴ Можно предположить, что принятие этого закона стало

¹⁸ *Liv. IV. 57. 12* – Гай Сервилий Агала; *Liv. V 16. 1* и *26. 1* – Луций Фурий Медуллин; *Liv. VI. 1. 8* – Публий Корнелий Малугинский; *Liv. VI. 11. 1* – Сервий Сульпиций Руф; *Liv. VI. 22. 1* – Луций Эмилий; *Liv. VI. 42. 3* – Луций Ветурий.

¹⁹ *Liv. VII. 27. 3; VIII. 1. 1.*

²⁰ Gruen E. Op. cit. P. 255.

²¹ Штаерман Е. М. Некоторые новые итальянские работы по социально-экономической истории Древнего Рима // ВДИ. 1982. № 3. С. 153.

²² *Liv. IV. 48. 7.*

²³ Linderski J. Op. cit. P. 110; Gruen E. Op. cit. P. 255.

²⁴ Linderski J. Op. cit. P. 110; Gruen E. Op. cit. P. 256.

результатом обострения конкуренции кандидатов в связи с недавним получением плебеями доступа к консулату. Именно его Тит Ливий считает первым законом *de ambitu*. Однако обращает на себя внимание ряд неясностей, связанных с ним. Во-первых, Ливий говорит только о том, что было внесено предложение, с помощью которого надеялись повлиять на ситуацию, но не утверждает, что был принят сам закон (*Liv. VII. 25. 13*). Во-вторых, конкретное содержание его нам не известно. Крайне маловероятно, что патриции пытались запретить проведение предвыборной агитации в публичных местах, как полагают некоторые историки²⁵. Это был едва ли не единственный способ привлечь к себе внимание для кандидатов из числа плебеев и для тех патрициев, которые не были постоянно на виду; а между тем, плебеи впоследствии занимали все должности, включая консулат, а после закона 342 г. до н. э. даже оба консульских места (напр., *Liv. IX. 20. 1*). В-третьих, у нас нет сведений ни о наказании, которое полагалось за нарушение данного закона, ни о каких-либо судебных процессах, связанных с ним. Вообще, весьма любопытно, что за весь период ранней Республики в Риме следствие о соискании должностей проводилось только однажды. На фоне измен италийцев, в том числе из близлежащих городов, в Риме начались поиски заговора, и было выдвинуто обвинение в том, что «сходки при искании должностей используются против государства» (*Liv. IX. 26. 5–9*). Это произошло в 313 г., то есть спустя 45 лет после принятия рассматриваемого закона. Но в течение всего расследования он ни разу не был упомянут, а кроме того, среди обвиняемых были преимущественно знатные люди; остальные патриции всячески стремились их оправдать (*Liv. IX. 26. 11*). В итоге дело сошло на нет по инициативе самой знати. Значит, этот суд не был направлен против плебеев с целью призвать их к ответу, в отличие от самого закона.

Так или иначе, оба рассмотренных закона были приняты по инициативе одной социальной группы против другой. Можно утверждать, что они регламентировали поведение кандидатов перед выборами (конечно, только в том случае, если каждый из них действительно был принят). Исходя из принятой нами трактовки *ambitus* как совокупности нелегитимных способов соискания должностей, можно сделать вывод, что закон 432 г. – это не закон *de ambitu*, поскольку добавление чего-либо белого к одежде кандидата даже тогда едва ли рассматривалось как нечто из ряда вон выходящее, а закон 358 г. до н. э. может считаться таковым (это подтверждает и мнение самого Ливия).

Совершенно очевидно, что во II–I в. до н. э. этот последний закон уже не действовал. Ведь, по замечанию Дж. Лонга, кандидат (*candidatus*) назывался так, поскольку он появлялся перед согражданами в общественных местах (Форум, Марсово поле), надев белую тогу (*toga candida*)²⁶. Его окружали друзья или сопровождали беднейшие граждане (*Cic. Pro Mur. 34*). Как правило, у кандидата был номенклатор, который называл ему имена тех людей, которые шли ему навстречу; первый, таким образом, обращался к ним по имени, что оказывало благоприятное воздействие на избирателей²⁷. Это обращение сопровождалось рукопожатием (*prensatio*)²⁸. При этом ему надлежало быть приветливым со всеми и раздавать многочисленные обещания²⁹. С целью привлечения голосов кандидаты ездили в провинции, значение которых при голосовании было особенно велико, и агитировали там (*Cic. Att. I. 1. 2; IV. 16. 6*), хотя Х. Мауритсен считает, что такие действия были характерны в первую очередь для *homines novi*³⁰. Марк Туллий Цицерон характеризует все это как «обязанности кандидата» (*munera candidatorum*; *Cic. Att. I. 1. 2*). Кандидатуру надо было выставить заранее, поскольку, если один претендент уже успел заручиться поддержкой определенных людей, другому, чтобы склонить их на свою сторону, нужно было предпринять значительные усилия³¹.

²⁵ Штаерман Е. М. Указ. соч.; Long G. Op. cit.

²⁶ Long G. Op. cit.

²⁷ Comm. Pet. VIII. 31; *Plut. Crass. 3; Plut. Caes. 4*.

²⁸ Long G. Op. cit.

²⁹ Comm. Pet. XI. 42; 43; XII. 46–48.

³⁰ Mouritsen H. *Plebs and Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge, 2001. P. 121–122.

³¹ Именно в таком положении оказался Публий Сульпиций Гальба, хотя он объявил о своих притязаниях на консулат за год (*Cic. Att. I. 1. 1*).

Большинство кандидатов старались создать в народе хорошее мнение о себе. Этому могла способствовать их знатность³² Однако, по замечанию Э. Груена, это имело место лишь тогда, когда не было иных факторов, способных оказать на них влияние³³ Одним из важнейших условий избрания на консульскую должность по-прежнему были военные способности кандидата (*Liv.* XXXIX. 40. 5). Полибий писал, что только человек, продававший не менее десяти боевых кампаний на коне или двадцати в пешем строю, мог претендовать на магистратуры³⁴ Это было особенно актуально во время Пунической войны, описанной Ливием в книгах XXI–XXX³⁵ Военные таланты ценились настолько, что могли открыть путь к должностям не только представителям нобилитета, но и *homines novi* (*Sall. Iug.* 63. 4; *Plut. Mar.* 11; *Cic. Pro Mur.* 24). Огромную роль в политической жизни Римской Республики играло такое качество, как красноречие (*Liv.* XXXIX. 40. 5). По мнению некоторых исследователей, оратор, убеждающий послушную толпу (особенно в I в. до н. э.), был главной фигурой в политике³⁶. Любопытно, что среди выдающихся ораторов, которых перечисляет Веллей Патеркул, практически все были консулами (*Vell. II.* IX. 9). Традиционными нормами допускалась также агитация за кандидата, которую проводили плебейские трибуны³⁷, а также выдающиеся политики и полководцы³⁸ Была возможна дискредитация соперников (*Comm. Pet.* III. 10; *Comm. Pet.* XIII. 52) с целью повышения собственных шансов на избрание. Немаловажным фактором успеха на выборах была щедрость. Марк Туллий Цицерон рассматривает ее чуть ли не как залог успеха на выборах³⁹ Марк Целий Руф писал, что не хотел бы отправлять магистратуру вместе с более богатым, чем он сам, человеком (*Cic. Fam.* VIII. 3. 1). Цезарь, прежде чем получить свою первую должность, имел долгов на 1300 талантов (*Plut. Caes.* 5). Т. Моммзен считал косвенными (и поэтому вполне легитимными) способами приобретения расположения избирателей раздачи хлеба и устройство народных праздников⁴⁰ Хорошо известно, что преторами часто становились плебейские трибуны⁴¹, причем некоторые из них заслужили благодарность народа именно раздачами зерна, которое по тем или иным причинам было дешевым, когда они отправляли свои должности⁴² Секст Элий Пет через год после такой раздачи стал даже консулом (*Liv.* XXXII. 7. 12). Великолепие игр, действительно, в I в. до н. э. «сделалось мерилом, с помощью которого избиратели определяли годность кандидатов»⁴³ Характерно, что все это не всегда расценивалось как подкуп⁴⁴ Кроме того, Моммзен обратил внимание на не вызывавшее нареканий поведение полководцев, которые, по сути дела, подкупали солдат, раздавая им военную добычу и дары побежденных правителей, ранее принадлежавшие государству⁴⁵ Таким образом, хотя знат-

³² Смышляев А. Л., Одегова Е. А. Указ. соч. С. 65, 67–68, 71; Трухина Н. Н. Указ. соч. С. 35–36; Gruen E. Op. cit. P. 252, 261.

³³ Gruen E. Op. cit. P. 252, 261.

³⁴ Polyb. VI. 19. 4: πολιτικὴν δὲ λαβεῖν ἀρχὴν οὐκ ἔξεστιν οὐδενὶ πρότερον, ἐὰν μὴ δέκα στρατείαις ἐνιαυσίοις ἢ τετελεώς.

³⁵ Liv. XXI. 39. 8; XXIV. 8. 19; XXXV. 10. 8; XXVI. 22. 12; XXVIII. 38. 9; XXXVI. 45. 9.

³⁶ Смышляев А. Л., Одегова Е. А. Указ. соч. С. 66, 73–74.

³⁷ Liv. XXII. 34. 3–4; XXVII. 21. 1–4; Sall. Iug. 73. 5; Plut. Mar. 8; Gai Grach. 29.

³⁸ Liv. XXXV. 10. 5; XXXVI. 45. 9; XXXIX. 32. 5, 10–13; XL. 17. 8; Sall. Iug. 65. 5; Plut. Sull. 34; Comm. Pet. VIII. 30–31.

³⁹ Cic. Att. IV. 17. 3: Messalla noster et eius Domitius competitor liberalis in populo valde fuit. Nihil gratis. Certi erant consules. (Наш Мессала и его соискатель Домиций были очень щедры к народу. Больше угодить невозможно. И избрание в консулы не вызывало сомнений). См. также: Cic. Fam. II. 6. 3.

⁴⁰ Моммзен Т. История Рима. СПб., 1997. С. 632.

⁴¹ Liv. XXVIII. 10. 3; 38. 11; XXX. 26. 11; XXXI. 4. 4; 49. 11; XXXII. 7. 13; 27. 6; XXXIII. 24. 2.

⁴² Liv. XXX. 40. 5; 49. 11; XXXIV. 54. 2.

⁴³ Моммзен Т. Указ. соч. С. 633. См. также: Jacobson A. Petitio et Largitio... P. 39.

⁴⁴ Так, Марк Цицерон, защищая Тита Анния Миллона, открыто признает, что он истратил три своих наследственных состояния, чтобы ублажить плебс (*Cic. Pro Mil.* 95).

⁴⁵ Моммзен Т. Указ. соч. С. 634.

ность, а также военные способности и красноречие облегчали дорогу к консулату и другим высшим должностям, они вовсе не гарантировали их получения. Важнейшими факторами электорального успеха были также щедрость и дружеские связи, которые порой оказывались даже более эффективными. Легальные формы первой были чрезвычайно распространены в период поздней Республики и приносили известность, а зачастую и успех, тем кандидатам, которые к ним прибегали. Однако удержаться в рамках даже обычного права было не всегда просто, что вызывало многочисленные судебные процессы по обвинению в *ambitus*.

Остановимся на способах соискания должностей, считавшихся нелегитимными во II–I вв. до н. э. Главным бичом электоральных комиций поздней Республики, по мнению многих исследователей, был подкуп избирателей⁴⁶. С чем же было связано его возникновение? С. Л. Утченко полагал, что появление всех видов злоупотреблений на выборах – одно из проявлений кризиса комициального устройства, который, в свою очередь, связан с кризисом полиса, а о нем можно говорить, когда политические формы приходят в несоответствие с экономической базой: «...когда начинается в широких масштабах пауперизация... римского крестьянства»⁴⁷. Большинство современных исследователей считают переломным в этом отношении время разрушения Карфагена, то есть середину II в. до н. э.⁴⁸ Именно тогда, по мнению Дж. Линдерски, жизнь стала более роскошной, а народ стал поощрять искательство кандидатов (в том числе и подкуп): «...он оказывал предпочтение тем кандидатам на должность, которые льстили ему»⁴⁹. Говоря о причинах зарождения подкупа, этот исследователь пишет: «Почему необходимо покупать голоса? Ответ прост. Если вы не контролируете постоянно голосующих, вы должны платить за их поддержку»⁵⁰. Такое утверждение представляется особенно справедливым, если принять во внимание, что число римских граждан было чрезвычайно велико. Кроме того, настроение толпы менялось быстро и манипулировать ею было довольно легко. Линдерски относит зарождение подкупа как одного из проявлений *ambitus* «к какому-то моменту во II в. до н. э.»⁵¹. Я готова согласиться с ним, уточнив, что, вероятнее всего, это был рубеж III–II вв. до н. э., поскольку мы знаем, что многие античные авторы, в частности Саллюстий (*Sall. Cat.* 10. 1; *Hist. fr.* 11–12; *Iug.* 41. 2–5) и Полибий (*Polyb.* VI. 57–59), относят начало эпохи упадка нравов ко времени завершения II Пунической войны. Первый из них указывает, что именно жажда денег (*avaritia*), а затем и власти (*ambitio*) стали главными причинами всех бед (*Sall. Cat.* 10. 3)⁵².

Очевидно, что зарождению подкупа избирателей способствовали, главным образом, два фактора. Во-первых, у кандидатов были деньги, чтобы купить голоса⁵³: сначала это была военная добыча, а затем средства, добытые при управлении провинциями. Во-вторых, среди голосующих появилось очень много людей, которые были готовы продать свои голоса тому, кто больше за них заплатит⁵⁴. Мы знаем, что мелкие собственники постепенно разорялись и сгонялись с земли (*Sall. Iug.* 41. 8), в том числе, видимо, за долги – ведь множество крестьян ушло на войну, а их семьи не всегда были в состоянии себя

⁴⁶ *Linderski J. Op. cit.* P. 108–109; *Gruen S. Op. cit.* P. 256; *Yacobson A. Petitio et largitio...* P. 32–33.

⁴⁷ Утченко С. Л. Кризис комициального устройства в Риме // ВДИ. 1959. № 2. С. 88.

⁴⁸ Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима III–I вв. до н. э. М., 1977. С. 43; Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской Республики. М., 1986. С. 133; *Linderski J. Op. cit.* P. 109.

⁴⁹ *Linderski J. Op. cit.* P. 109.

⁵⁰ *Ibid.*

⁵¹ *Ibid.* P. 110.

⁵² *Sall. Cat.* 12. 1. *postquam divitiae honori esse coepere et eas gloria imperium potentia sequebatur, nelescere virtus, paupertas probro haberi, innocentia pro malevolentia duci coepit.* (Когда богатства стали приносить почет и сопровождаться славой, властью и могуществом, то слабость начала доблесть, бедность – вызывать презрение к себе, бескорыстие – считаться недоброжелательностью).

⁵³ Буассье Г. Цицерон и его друзья. СПб., 1993. С. 87.

⁵⁴ Там же.

прокормить. Нанимать их было невыгодно – этому способствовала дешевизна рабов; последние же, главным образом, занимались ремеслом в городах, а конкурировать с ними было крайне трудно. Бывшие крестьяне либо становились воинами, либо пополняли ряды люмпенов, а ежегодные субсидии кандидатов и хлебные раздачи превращались едва ли в не основу их существования (*Plut. Cato Min.* 44). Таким образом, народ стал торговать своей свободой (*Sall. Caes. II.* 5), чтобы добывать средства к жизни⁵⁵. Однажды Катон Младший даже убедил сенат учредить ежемесячные хлебные раздачи для бедняков, чтобы хоть как-то ослабить влияние Цезаря в народе (*Plut. Caes.* 8). С. Л. Утченко характеризует римский плебс I в. до н. э. как «голосующий скот», который подкармливала олигархическая верхушка, использовавшая его в качестве своего послушного орудия⁵⁶.

Любопытно, что скупкой голосов занимались как кандидаты из среды знати, так и *homines novi*. Почему? Мнение народа на выборах играло немаловажную роль, хотя его нужно было сначала убедить пойти против воли правящей элиты⁵⁷. Однако и авторитет сената был чрезвычайно велик. Поэтому перед каждым претендентом на должность стоял выбор: либо бороться за магистратуру, опираясь исключительно на любовь плебеев, вопреки сенату, либо завоевывать благосклонность и тех, и других. Но угодить всем было очень сложно. На наш взгляд, отчасти этим был обусловлен совет Квинта Цицерона избегать политических вопросов в предвыборных выступлениях (*Comm. Pet.* XIII. 53). Начиная со II в. до н. э. многие выбирали более легкий путь – они заверяли сенат в своей благонадежности (*Comm. Pet.* I. 4–5), а голоса народа просто покупали (если, конечно, они не хотели заискивать перед ним; к тому же это не означало гарантированного успеха на выборах). С целью обеспечить секретность и удержать за собой конкретного избирателя, человек приглашал посредника для заключения сделки, *sequestres* для получения денег, которые надо заплатить (*Cic. Pro Cluent.* 26), и *divisores*, чтобы распределять их (*Cic. Ad Att.* I. 16), – первое свидетельство о последних относится к началу I в. до н. э.⁵⁸ Х. Мауритсен, рассматривая практику дачи взяток, выделяет два типа даров: те, которые вручались перед выборами (в ожидании ответной любезности в виде голоса), и те, которые обещали вручить в случае успешного исхода⁵⁹.

Один из первых известных нам законов *de ambitu*, относящихся к рассматриваемому нами периоду, *lex Cornelia Baebia*, появился в 181 г. до н. э. (*Liv.* XL. 19); он запрещал тому, кто был осужден за *ambitus*, выдвигать свою кандидатуру в течение 10 лет⁶⁰. Следующий был принят в 159 г., однако его содержание нам неизвестно (*Liv. Per.* 47). Оба они, по мнению Э. Груена, были приняты в интересах знати: они обеспечивали им политическую безопасность, создавая трудности для *homines novi*. У последних не было столь обширной сети личных связей и клиентов, поэтому их соискание должно было быть наиболее настойчивым, и именно им приходилось прибегать к разного рода ухищрениям, в том числе и незаконным⁶¹. В какой-то момент времени (мы не знаем точно, когда) был принят закон Фабия, который каким-то образом ограничивал численность сопровождающих кандидата людей (*Cic. Pro Mur.* 71, *Rabir.* 3). Можно предположить, что соискатели также обращали на него мало внимания. Однако наибольшее число таких законов датируется I в. до н. э. По данным Плутарха, в именно тогда кандидатам запрещено было пользоваться услугами номенклаторов⁶², однако этот закон, вероятнее всего, соблюдался не слишком тщательно⁶³. Закон Ацилия – Кальпурния (67 г.) был предназначен для того,

⁵⁵ Буассье Г. Цицерон и его друзья. СПб., 1993. С. 98–99, 102–104.

⁵⁶ Утченко С. Л. Политические учения... С. 237.

⁵⁷ Буассье Г. Указ. соч. С. 98–99; Трухина Н. Н. Указ. соч. С. 40; Смышляев А. Л., Одегова Е. А. Указ. соч. С. 65; Mouritsen H. Op. cit. P. 98; Gruen E. Op. cit. P. 254.

⁵⁸ Mouritsen H. Op. cit. P. 107.

⁵⁹ Ibid. P. 112.

⁶⁰ Long G. Op. cit.

⁶¹ Gruen E. Op. cit. P. 256.

⁶² *Plut. Cato Min.* 8: νόμου γραφέντος ὅπως τοῖς παραγγέλλουσιν εἰς ἀρχὴν ὀνοματολόγοι μὴ παύσι.

⁶³ На его основании вряд ли кого-то привлекали к суду, хотя и пренебрежение им не делало никому чести: *Cic. Pro Mur.* 36.

чтобы пресекать «обхаживания и другие подобные вещи»; наказания были суровыми – исключение из сената и невозможность занимать должности в дальнейшем⁶⁴ Закон Туллия был принят в консульство Цицерона с целью усилить их: осужденного ждала ссылка (*Cic. Pro Mur.* 23). Кроме того, было запрещено кому бы то ни было устраивать публичные представления ранее чем за два года до соискания должности⁶⁵ Плутарх пишет, что законы *de ambitu* издавал Помпей (*Plut. Pomp.* 55) и он же вел по ним судебные дела, однако этот автор не сообщает нам, каково было их содержание.

Во времена Цицерона взяточничество перед выборами достигло своего апогея, став значимым аспектом выборов, особенно консульских⁶⁶ Кандидаты заключали друг с другом соглашения, объединяясь против своих соперников; иногда даже при поддержке консулов⁶⁷. Наказания за подкуп все более ужесточаются: денежный штраф, исключение из сената, запрет занимать должности в дальнейшем, ссылка, и даже, что, на мой взгляд, совершенно невероятно, – смертная казнь (*Polyb.* VI. 56. 2–4). Чрезвычайно показателен законопроект, который был внесен в 61 г. до н. э. плебейским трибуном Ауфидием Лурконом (*Cic. Att.* I. 16. 13). Однако, по всей вероятности, те, кто брал взятки, судебным преследованиям не подвергались⁶⁸ Около 54 г. до н. э. Катон Младший «добился постановления сената, согласно которому все избранные на должности, даже если против них не было выдвинуто обвинений во взяточничестве, обязаны были явиться к суду присяжных и представить отчет о своем избрании»⁶⁹ Некоторое время после этого кандидаты опасались нарушать закон, хотя весьма показательно, что они друг другу не доверяли. Плутарх пишет, что «соискатели оказались в большом затруднении, боясь действовать подкупом сами, но в то же время опасаясь потерпеть неудачу на выборах, если кто-нибудь из противников все-таки прибегнет к подкупу»⁷⁰ Несмотря на все это, Х. Мауритсен полагает, что ни один из типов взяточничества не мог охватывать городской электорат в целом, не говоря уже обо всем гражданском населении⁷¹

Таким образом, в понятие *ambitus* в I в. до н. э. включались такие явления, как наем сопровождающих, устройство слишком шикарных игр для народа, раздачи зерна и другой пищи. Однако все это было либо чрезвычайно трудно доказать, либо легко оправдаться, сославшись на то, что так делают все. Именно так и поступает Цицерон. Защищая Луция Мурену, он говорит, что все это – «древний обычай», «обязанности кандидатов» и «свидетельствует скорее о щедрости, чем о подкупе»⁷² Определить грань между «законным» и «незаконным» в данном случае было весьма сложно, поскольку щедрость претендентов на должности, как мы видели, уже стала традицией. Интересно, что Цицерон, отвечая на обвинения Саллюстия, признает себя первым в искании расположения народа, но отрицает противозаконное домогательство, которое тот вменяет ему в вину (*Cic. In Sall.* 2. 6). И только если было доказано, что кандидат раздавал избирателям деньги, его ждало серьезное наказание⁷³ Тем не менее многие уходили от ответственно-

⁶⁴ Long G. Op. cit.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Mouritsen H. Op. cit. P. 111, 115.

⁶⁷ Так, в 54 г. до н. э. Меммий и Домиций пообещали раздать около 10 млн. сестерциев в центурии, которая будет голосовать первой (*Cic. Q. fr.* II. 14. 4; *Att.* IV. 15. 7).

⁶⁸ Long G. Op. cit.

⁶⁹ *Plut. Cato Min.* 44: ἔπεισε δόγμα θέσθαι τὴν σύγκλητον, ὅπως οἱ κατασταθέντες ἄρχοντες, εἰ μὴδὲνα κατήγορον ἔχοιεν, αὐτοὶ παρίοντες ἐξ ἀνάγκης εἰς ἐνὸρκον δικαστήριον εὐθὺς διδόναι.

⁷⁰ *Plut. Cato Min.* 44. Пер. С. П. Маркиша. В итоге вопрос был решен следующим образом: каждый из претендентов внес залог в 120 тысяч драхм (500 тысяч сестерциев, пишет Цицерон): в случае избрания в недобросовестности (судьей выбрали Катона), виновный терял свои еныги (*Plut. Cato Min.* 44; *Cic. Q. fr.* II. 14. 4; *Att.* IV. 15. 7).

⁷¹ Mouritsen H. Op. cit. P. 112.

⁷² *Cic. Pro Mur.* 70, 72, 73, 77. Пер. В. О. Горенштейна.

⁷³ Чрезвычайно показательно, что в 61 г. было принято специальное постановление сената, гласящее, что «тот, в чьем доме живут раздатчики, совершает преступление против государства» – «*cuivis domi divisores habitarent, adversus rem publicam*»: *Cic. Att.* I. 16. 12 (раздатчики – это те люди, которые непосредственно раздавали деньги по заданию кандидата).

сти. Цицерон пишет, что очередные выборы разве что чудом могут пройти без подкупа (*Cic. Q. fr. II. 14. 4; Att. IV. 15. 8*). Скупкой голосов неоднократно занимался Помпей, и многие об этом знали⁷⁴. Само количество принятых законов *de ambitu* свидетельствует о том, что они, по-видимому, были малоэффективны. Х. Мауритсен считает, что цель их была в том, чтобы сдерживать предвыборную конкуренцию и отрегулировать доступ к общественным должностям; а вовсе не в том, чтобы сделать выборы более демократическими⁷⁵.

Как политическое оружие использовались обвинения в пороках и подкупе избирателей: даже если кандидата и не привлекали к суду, это портило его репутацию и снижало шансы на успех. Нередкой была ситуация, когда кандидат, проигравший выборы, обвинял своего более удачливого соперника в подкупе с целью лишить его должности⁷⁶. Дальше дело во многом зависело от мастерства защитника и настойчивости обвинителей, поскольку этим, как я уже говорила, грешили очень многие. Зная это, нобилитет иногда добивался вступления в должность новых магистратов, не дожидаясь назначенного законом срока, в который, как правило, и проходили суды *de ambitu* (*Plut. Cato Min. 42*)⁷⁷. По уверениям Аппиана, на форуме часто пускались в ход кинжалы, причем иногда жертвами насилия оказывались люди, добивавшиеся должностей (*App. BC. I. 2*), а Саллюстий с горечью писал, что нравы сограждан вызывают в нем тоску и досаду (*Sall. Jug. 4. 9*).

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, у нас есть все основания утверждать, что в V–IV вв. до н. э. в среде правящей элиты предвыборных кампаний, а следовательно, и регламентирующих их постановлений не существовало: чаще всего сенат определял, кто именно будет претендовать на такие должности. Важными преимуществами претендентов на должности считались красноречие и военная доблесть: это касалось как патрициев, так и плебеев. Последние при соискании плебейского трибуната, а затем и консулярного были гораздо более активны. Вызывает сомнение существование закона 432 г. до н. э., поскольку он запрещал носить кандидатам белую тогу, ставшую впоследствии их традиционной одеждой. Однако даже если такое постановление и было принято, то, по всей вероятности, оно было направлено против плебеев. Первый же закон, который можно считать действительно законом *de ambitu*, появился в 358 г. до н. э. и, по всей видимости, имел целью ограничить возможности плебеев получить консулат (также только в том случае, если он действительно был принят). Во II в. до н. э. в связи с проведением демократической реформы центуриатных комиций возросла роль народа на выборах. Теперь кандидату необходимо было учитывать желания и стремления простолюдинов из низших имущественных разрядов. В V–IV вв. до н. э. заискивание перед народом было прерогативой плебейских трибунов, которые давали многочисленные обещания; после указанной реформы это стало актуальным для соискателей любых должностей. Одним из преимуществ представителей правящей элиты была знатность. Значимыми факторами соискания должностей остаются военная доблесть и красноречие. Претенденты всячески старались снискать благоволение масс – они посещали людные места, приветствовали всех встречаемых, называя их по имени и пожимая им руки, предлагали наиболее авторитетным гражданам свои услуги, устраивали за свой счет гладиаторские бои и общественные игры, раздавали за бес-

⁷⁴ *Cic. Att. I. 16. 2; Plut. Cato Min. 30; Pomp. 44.*

⁷⁵ *Mouritsen H. Op. cit. P. 125.*

⁷⁶ Речи Цицерона *Pro Murena* и *Pro Plancio* были произнесены в защиту именно таких людей. Очевидно, инициаторы в таких случаях надеялись на перевыборы, особенно если человек был уверен, что на этот раз победит. Так, люди, выступившие против Публия Корнелия Суллы, восклицали, что требуют обратно то, что у них вырвали из рук (*Cic. Pro Sull. 17. 49*).

⁷⁷ Интересно отметить, что до 155 г. новые должностные лица приступали к отправлению своих обязанностей в середине марта, в то время как выборы зачастую проходили в феврале: то есть времени на привлечение к суду практически не оставалось. Однако затем обычным стало проведение выборов в июле, а вступление в должность – 1 января. Ливий пишет, что «причиной таких перемен в народном собрании было испанское восстание» (*Liv. Per. 47*. Пер. М. Л. Гаспарова), однако возможно, что это каким-то образом было связано с распространением *ambitus*. См. также: *Cic. Q. fr. II. 7*.

ценок зерно. Иногда такая щедрость перерастала в подкуп, который достиг наибольшего распространения во времена Цицерона. Он был одним из наиболее частых проявлений *ambitus* – явления, которое, по всей вероятности, зародилось на рубеже III–II вв. до н. э. Этому способствовала, главным образом, экономическая обстановка, сложившаяся после двух Пунических войн. У массы разоренных людей было желание продать свои голоса, а у честолюбивых кандидатов – купить их. Следствием стало принятие многочисленных законов *de ambitu*. Однако к середине I в. до н. э. этого стало уже недостаточно; в комициях стали бесчинствовать банды сторонников и наемников, добиваясь должностей для своих покровителей.

V. A. KARETNIKOVA

**AMBITUS: METODI ILLECITI NELLA
LOTTA PER LA MAGISTRATURA
NELLA REPUBBLICA ROMANA**

(RIASSUNTO)

L'articolo è dedicato allo studio dei metodi illeciti usati nella lotta per l'accesso alle magistrature nella Repubblica romana tra V e I sec. a. C. che molti studiosi definiscono con il termine *ambitus*. L'autore tenta di ricostruire il comportamento del candidato prima delle elezioni.

Durante V e IV sec. a. C. i vari potentati non organizzavano campagne elettorali, la qual cosa forse spiega perché non esistevano leggi che le regolamentavano. Ci sono dubbi sulla storicità della legge 432 a. C. e sicuramente questa legge non era indirizzata contro i plebei. La prima legge rispetto alla quale si può parlare con sufficiente attendibilità come di una *lex de ambitu* è quella di 358 a. C. che aveva lo scopo di limitare le possibilità

dei plebei di ricevere il consolato. Nel II sec. a. C. dopo la riforma democratica dei comizi centuriati, il ruolo del popolo nelle elezioni crebbe notevolmente. Ora il candidato aveva il dovere di inventariare i desideri dei cittadini più poveri. Ma lignaggio, capacità militare ed eloquenza restavano i fattori più importanti per la competizione alla carica. I pretendenti cercavano di guadagnarsi la benevolenza della massa. Talvolta la generosità dei candidati si trasformava in corruzione, che si era estesa moltissimo nel tempo di Cicerone. La corruzione era la manifestazione più frequente dell'*ambitus*, una circostanza che fu molto condizionata dalla situazione economica instauratasi in età successiva alla seconda guerra punica.